

публицистика

РАЙНГОЛЬД ШУЛЬЦ

Германия. Гиссен. Papa-Schulz <papa-schulz@gmx.de>

Райнгольд Асафович Шульц родился 1 ноября 1949 года в семье житомирских немцев-колонистов Асафа и Линды (Отто) Шульц, которые были сосланы в сталинские времена из Украины в Карело – Финскую АССР, а затем второй раз в Коми АССР. После службы в армии Райнгольд вернулся домой и устроился на работу в аэропорт города Сыктывкара. Он проработал 17 лет в Гражданской Авиации, прошёл путь от авиатехника, инженера до начальника базы отдела материально – технического снабжения. Райнгольд закончил два университета: народный университет по юридической специальности «Гражданское и трудовое право» и экономический факультет по специальности «Финансы и кредит» Сыктывкарского государственного университета. Международный литературный конкурс «Золотое Перо Руси». Номинация «Русское в нас». За произведение «Чья душа во мне?» – Золотое Перо Руси. Медаль на ленте «За высокую гражданскую позицию» и диплом Александра Бухарова «За верность русским традициям». – Золотое Перо Руси. Медаль и диплом «За солнечную деятельность».

-Золотое Перо Руси. Диплом имени Твардовского и медаль «За высокую гражданскую позицию и патриотизм».

– Диплом. Второе место за рассказ «Ветераны».

-Диплом. «ASEK» с присвоением звания заслуженного магистра и статуса действительного члена Европейской коллегии совета 5 магистров.

-Грамота государственной Думы РСФСР в спортивной номинации за интервью «Самбо».

-Литературный конкурс в Берлине «Книга года» в 2010 году признал лучшие работы Шульца по шести номинациям.

-Диплом. Первое место и звание лауреата литературного конкурса «Открытая тема 2011».

-Диплом и призовое место за юмористический рассказ «Пай –

пай», с размещением его в интернете.

Большой «Лих орден» и приз «Читательское сердце», полученный в Вецларе.

Основатель и Президент Содружества литературных сообществ Золотое Перо Руси Светлана Савицкая из Москвы посетила Германию и на творческом вечере в городе Вецларе лично вручила ему сертификат и передала в дар писателю изготовленную вручную сорокасантиметровую авторскую куклу с лицом и именем Райнгольда Шульца.

Папа Шульц член литературного общества в ФРГ «Немцы из России» с 17.10.1999 года.

С 22.07.2007 года он состоит в международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП).

С 16.10.2007 года член Берлинского литературного общества – Berliner Literaturbund! (BLB).

С 07.06.2008 года член Союза Соотечественников в Берлине.

С 01.07.2008 года состоит в МСПС – международном сообществе писательских Союзов, правопреемнике Союза писателей СССР.

С 26.03.2013. ЧЛЕН ВСЕМИРНОЙ КОРПОРАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ – штаб квартира в Нью-Йорке.

У него больше тысячи публикаций на многих континентах. Его имя вошло в авторский энциклопедический словарь «Немцы России», изданный на русском и на немецком языках, и в аналогичный Берлинский немецкий словарь «Russlanddeutsche Schriftsteller», составленный Герольдом Бельгером.

**К 75 – летию депортации советских немцев
вспоминается
(2016 – 1941= 75 лет)**

С ТОГО СВЕТА

Люди в трудармии умирали как мухи. Все мы на том свете будем! – безвыходно успокаивали они друг друга.

Благодаря особой заботе наверху и враждебному отношению внизу, смертность в ГУЛАГе среди советских немцев, была выше, чем на фронте. Концентрационные лагеря смерти находились по всей стране.

Те, кто три дня не сходил с нар и не выходил на работу, считались мертвыми. Похоронная бригада стаскивала остывшие тела на пол, раздевала их, выносила из барака и складывала в большие, грузовые сани для лошади.

Лошадь, увидев свой кошмарный груз, судорожно мотала головой и по её телу лихорадочно пробегала нервная дрожь.

Нагрузив полные с горкой сани, санитарная процессия от пустых барачков двинулась вдоль высокого забора с колючей проволокой к лагерных воротам.

На КПП вооружённая охрана еще раз пересчитала тела выбывших и навечно вычеркнула их из списка личного состава трудовой колонии.

Колона живых существенно сокращалась, колонна мертвых заметно увеличивалась в длине. Закончив сортировочный процесс, охрана лагеря открыла ворота и выпустила всех на волю, на тот свет.

Обидно было умирать сейчас, пережив долгую, морозную зиму. День уже начал заметно прибавлять, и солнышко стало чаще появляться на хмуром северном небе.

Надежда даже в неволе умирает последней, вслед за телом. У живых трудармейцев, у каждого ещё была своя дорога, у этих в санях, теперь одна – общая.

Доехав до опушки леса, у крутого берега реки, извозчики стали разгружать сани и скидывать голяков в глубокий заснеженный овраг. В небе закружилась воронья стая.

За зиму «ущелье смерти» было уже наполовину завалено телами несчастных советских немцев. Этими предателями и пособниками врага не желающими больше трудиться во имя победы советской Родины! Так охарактеризовали их наверху в кремлёвском указе о депортации. Мёртвые теперь, как будто бастовали! Родина отобрала у них всё, что было.

Страшная фотография застыла в голове лошади, она недовольно фыркала и перебирала ногами, а люди делали своё дело, хоронили выбывших. Овраг стал заметно наполняться павшими на трудовом фронте.

– Весной, если доживем, всех закопаем, или в половодье река сама заметёт все следы, – обменивались мнениями полуживые похоронщики. Закончив разгрузку, все сели в сани и поехали назад в зону.

Тихо шло время. К вечеру воздух становился особенно густым

и упруго, жизненно приятным. Всё замирало! Очаровательно в сумерках смотрится природа.

Вдруг в овраге, в куче мертвецов что-то зашевелилось, и через некоторое время голый, тощий человек, протискиваясь сквозь застывшие тела, медленно выкарабкался на поверхность.

– Живой! Главное, живой! – вертелось что-то в его голове. Хорошо, что он оказался в середине кучи, был бы внизу, не вылез бы, не смог, был бы наверху, замерз бы. И как это жизнь вернулась обратно в почти что мёртвое тело? Не погас, видимо, внутри – её слабый огонёк.

Человек как-то выкарабкался из оврага и неуклюже, голый, пополз по снегу, не имея представления о направлении, куда и зачем? Инстинкт заставлял его двигаться, душевная тревога сквозь мутное сознание снабжала силой, надежда звала вперёд!

Он полз, не чувствуя голода, холода, времени и боли. Обессилев, просто тыкался лицом в белую перину снега, отдыхал и полз дальше. Сколько полз, три часа или трое суток, вспомнить это он никогда не мог.

Видно есть Бог на свете! В небе вспыхнула луна, впереди свет в окошке.

До этого окошка он полз ещё две вечности, кое-как добрался до лесной избушки. Из самых последних сил, раз пять старался подняться вдоль стены и всё же постучался слабенько в окошко.

Хозяйка в доме страшно испугалась, увидав в окне при лунном свете голого человека на снегу. Страшного, худого, с черепом вместо лица, глаза ввалились, щёк не было, шкура, натянутая на скелет. Женщина накинула на себя фуфайку, сунула ноги в валенки и выскочила на улицу.

Она тоже была высланная, сердобольная, трудолюбивая, русская женщина, дочь врага народа, и ей в жизни уже многое пришлось повидать.

Она волокам затащила исхудавшее тело в дом, положила на широкую лавку, затем схватила тазик, занесла в избу снег и начала растирать пришельца.

На него больно было смотреть, растирать было уже нечего, шкура да кости. Сплошные обморожения снаружи, простуда изнутри насквозь, предсмертная дистрофия, плюс весь букет трудармейских болезней.

Пришелец лежал на лавке и почти ни на что не реагировал. Женщина подбросила в русскую печь дров, и стало, как в

Ташкенте жарко.

Она налила полстакана теплого молока и влила его в рот гостю. Растерев тело докрасна, она одела его в тёплое нижнее белье своего погибшего на фронте мужа. Затем кое-как затащила пришьельца на тёплую лежанку большой русской печки и накрыла тулупом.

Она всю ночь давала ему молоко по маленькому глоточку, натирала тело самогонкой, делала компрессы, достала из запасника засушенные травы. Много бессонных ночей провела она у его подушки.

У доброй хозяйки была сарайка, в ней жила коза, курочки и хрюшка. Молоко, курочки, и хрюшка, все превратилось в драгоценное лекарство.

Как русский богатырь Илья Муромец, три года пролежал он на печи, и потихоньку, потихоньку молодой организм вернулся к полноценной жизни. Он сам за собой стал ухаживать. Медленно, но умело помогал по хозяйству. Поправил избушку, починил всё, что можно и, оперившись – заскучал по дому.

– Оставайся со мной! Ну, куда ты поедешь? Тебя и в живых-то нет! И документов нет! Ты ж с того света! Твои на тебя давно похоронку получили! А со мной тебе хорошо будет! Это ж ничего, что я чуть старше. Я буду тебе хорошей женой! Да мы уже и так привыкли друг к другу! – умоляла она спасённого.

– Дорогая моя! Мой замечательный, земной ангел хранитель! Ты ни разу не упрекнула меня в происхождении, наоборот... Я тебе жизнью обязан и благодарен буду пока живой! Но без своих, я внутри снова потихоньку умираю. Я без них больше не могу! Глаза моей матери всё время передо мной! Зов крови сильнее, чем моя благодарность и моя сила воли. Прости меня и собери в дорогу!

Выжившему трудармейцу комендант пообещал тюрьму.

– За злостное дезертирство! Ишь, что выдумал? Всех обманул! Ведь тебя даже никто не искал!

Ты же был на том свете! – комендант возмущался яростно и с фантазией выдумывал свои сказки...

Но ангел хранитель, золотая, русская женщина, как защитник и свидетель умоляла и клялась, что всё это чистая правда! Комендант обязан был верить чуду и своим глазам.

К тому же очень уж существенные были вещественные доказательства, которые предоставили ему посетители.

Две бутылки самогона, целая свиная ляжка, куча яиц, и дивно пахнущий свежееиспеченный хлеб развеяли сомнения, как надо поступить. Всё равно всё уже в прошлом, зоны той давно нет, перебросили и про побег этот никто не знает.

Человек, с того света, поехал со *справкой об активировании туда, откуда его призвали в трудовую армию. Он писал домой письма, но они возвращались. На месте расспрашивал людей и раздобыл адрес!

– Ты что? С того света? – безмерно обрадовались родители и долго не верили своим заплаканным глазам.

– Ты что? С того света? – очень удивлялся весь трудовой поселок и от души радовался за земляка.

– Ты что? С того света? – удивлялись в районной администрации и замучили пришельца формальностями.

– С того света проще вернуться, чем доказать вам, что вот он я, живой и почти здоровый! – устало отвечал он усердным бюрократам, которые не видели возможности после смерти, выдать ему новые документы.

– Вот настоящее, зарегистрированное свидетельство о смерти, с государственной печатью! Вот похоронка на твоё имя! Причём тут какая-то справка коменданта? – сопротивлялись чиновники.

Пришлось отцу заколоть поросёнка. И это дело как-то само собой утряслось.

Родная мать не могла нарадоваться и много раз рассказывала, как она плакала, ждала и молилась за него. Она с такой любовью выхаживала дорогого сына, что вскоре превратила его в завидного жениха.

Heinrich Самуилович Schmidt взял себе в жены **Фриду Jort**. У них сразу родился сын Виктор, следом дочка, потом еще сын. Они прожили долгую, трудолюбивую жизнь.

После свадьбы, оборвав прошлое, они сменили место жительства и поселились в Северном Казахстане, в Кокчетавской области, в Рузаевском районе, в селе Чернобаевке. Это как раз посередине, между Кокчетавом и Кустанаем.

Летом он работал механизатором на тракторе «Беларусь», а зимой у него от холода страшно опухали и болели пальцы, поэтому начальство на зиму устраивало его в тепло, на ферму или в кочегарку.

Его жена тоже образцово трудилась на разных работах, в полеводстве и на молочной ферме.

В девяностых годах, он со своей семьёй, вместе со всеми советскими немцами переехал из Казахстана в Германию. Поселились они под Бонном, и дожил он до 93 лет, намного пережив свою жену.

Всем, кто знал этого человека и знает эту историю, просьба откликнуться и рассказать в деталях неизвестные подробности.

История эта написана со слов свидетеля, Владимира Робертовича Мельникова 1937 года рождения, живущего в Германии, в городе 26427 Esens, односельчанина, коллеги и лучшего друга героя моего рассказа «С того света». Когда нас любят и ждут – мы возвращаемся даже с того света! – это должны знать все на свете.

Райнгольд Шульц. Германия. Гисен. papa-schulz@gmx.de
20.06.2016 – 22.06.2016.

*Справка об активировании, это справка о списании трудармейца, непригодного для общественно-полезного труда и отпущенного домой умирать. Справка об освобождении, путёвка на тот свет.

